

Роман

ОКОВЫ НЕБЕСНОГО СИЯНИЯ

Кузьмин Гордей

16+

Гордей Дмитриевич Кузьмин

Оковы небесного сияния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67548935

SelfPub; 2022

Аннотация

Если встанет выбор: жизнь без любви или смерть ради любви, то что ты выберешь? Он выбрал смерть. И найдет ли любовь свою Виктор среди мертвецов и гнили, что на стенах мира оседает?

Гордей Кузьмин

Оковы небесного сияния

*Лишь о любви все мысли говорят
И столь они во мне разнообразны,
Что, вот, одни отвергли все соблазны,
Другие пламенем ее горят.*
– Данте Алигьери

I. Из пепла мир.

“Где я?..” – очнулся юноша, взирая на свинцовые тучи, “Кто я? В голове одно лишь имя... Виктор.”

– Эй, юнец, чего ты здесь ищешь? – послышался противный старческий голос в ушах русоволосого мужчины, лежащего на мертвой и холодной земле. Он что-то пристально рассматривал... Это был серебряный кулон, в которые обычно помещают фотографии дорогих людей. Вскоре он спрятал кулон под свою рваную белую, запачканной кровью, рубаху и поднялся с земли.

– Ты ведь ещё живой?! Я чувствую это! – слышался этот же противный и ужасный голос в голове юноши.

Юноша поправил свои русые волосы, блеснул карими глазами, посмотрев на черные, затянутые тяжёлыми свинцовыми облаками, небеса. Затем он сделал шаг вперед, подходя к тихо бегущему ручью. В нём не было воды, текла лишь

кровь и какая-то черная противная жидкость, напоминавшая гниль или нефть.

– Ответь мне! – вновь послышался голос над головой. Юнец поднял карие глаза, посмотрев на ветку, с которой доносился голос. На ней сидел огромный черный ворон, у которого половина клюва была изуродовано, но вторая, к слову, вполне цела, даже без единой царапины, словно поиграли с ним дети жестокие.

– Я здесь только за одним. – сказал парень, перешагивая реку. – И я не могу сказать зачем. О таком не говорят с мертвыми воронами.

– Так ведь тут все мертвые. Неужто ты вечно будешь молчать?! – он быстро полетел мимо белого лица идущего, присев на ветви неподалёку.

– Буду, если захочу. – изрек он, поднимая с ледяной земли что-то наподобие мачете.

– Хотя бы скажи своё имя, странник.

– Моё имя вовсе не важно. Это не то место, где оно имеет вес, ворон. – промолвил юнец, поднимая тряпку с тела умершего человека. Его тело не имело руки, ноги, выклеван был левый глаз, в общем изуродовано. Остались лишь кровавые следы на теле и этот белый платок на лице. Безымянный поднял его и утер своё лицо с долей наслаждения. – Интересно... – сказал, негодуя, осматривая платок.

– Зря ты думаешь, что здесь неважны имена, юноша. Здесь у каждого есть имя, и каждого здесь знают, но ты...

Ты не такой, как другие. В тебе бурлит эта кровь! И если её в тебе не останется, то ты станешь таким же, как и другие здесь! Именно поэтому я хочу знать имя героя, который перешёл пород, который нельзя было переходить! Я помолюсь Ей за тебя, за твою черную душу, которая ещё жива, в отличие от всех нас!

– Моя душа... Именно поэтому я здесь. Я ищу то, что спасёт и ту душу, что была прекрасней всех на свете. Пусть имя моё в этом мире будет Виктор. – изрек паренёк, бросая платок на землю. Он согнул колени, положил руку на лицо мертвеца и сказал: – Я здесь не затем, чтобы умирать.

– Прекрасно, Виктор. Чудесное имя! Моё имя – Витольд. Я хочу оберегать тебя, странствующая душа.

– Зачем тебе это, ворон? – спросил Виктор, поднимаясь с колена после того, как накрыл платком мертвеца и прошептал ему на ухо: – Прости меня, я не хотел запачкать твой платок... – после этих слов тело начало стремительно превращаться в пепел, который уносил ледяной ветер в горящий синим пламенем лес неподалёку.

– Знаешь, Виктор, даже в этом гнилом мире существу нужен какой-то стимул для существования. Ведь только так мы сможем обрести покой. А покой – самая главная награда для всех живущих здесь.

– И что же ты хочешь от меня? Быть моим спутником? Но мне не нужен никто. У меня был договор, в нем было сказано, что я должен пройти всё в одиночку. – договора, к сло-

ву, никакого не было. Просто придумал, чтобы оправдывать свои действия.

– Ты псих?! – Витольд взмахнул крыльями, оказавшись прямо у лика идущего по покрытой инеем тропе босого Виктора. – Ты не мог поставить жизнь на кон!

– Этот дар стал уже проклятием. Ты же сам сказал, что каждому существу рано или поздно нужен покой. Вот и мне нужен этот покой, но не в загробном мире, не на Лимбе, а в жизни не сыскал.

– Но как же то, о чем мечтаем мы, может стать проклятием для тебя? Ты же жив, а значит сущность для тебя есть великое, а ты проиграл её!

– Жизнь – понятие относительное. Оно начинает тяготить со временем, Витольд. Мне было даровано то, что дороже самой жизни, что дороже всего на свете. Но это уж..., но я поклялся кровью сам себе и расписался на листке, что я верну её, верну то, что для меня есть жизнь, что породило смысл в ней. И я готов даже на смерть, поэтому я здесь.

– Нет ничего дороже жизни! – изрек ворон, взмывая в серые тяжёлые свинцовые небеса, из которых мигом посыпался пепел. – Ты идиот, Виктор, ты мог жить, но ныне ты в окопах по собственному желанию! – промолвил Витольд, улетаая в далекие мертвые земли Агрона, где поля, где мяса много, где воют мертвецы за булку гнилого хлеба.

А Виктор шел, трупов по дороге обращая в пепел, он шел, босыми теплыми, целыми и такими розовыми, как у ребенка

ногами окунаясь в кровь. И тяжело вздыхал, очами в небеса взмывал. И тут он ощутил запах гари у ноздрей, ведь на него свалился здешний снег.

– Это пепел... Или снег? – спросил вдруг юнец, взирая на молву небес. Свинцовые облака пылали красными пожарами, в них скрывался пепел, что ныне падал, ведь становилось холодно. Всё тело Виктора сковал безжалостный холод, опустив руки свои под ноги. Прошлась прохлада по ногам, сковала позже по рукам.

Агрон, куда стремился Витольд, – место для пожирания гнилья, для поедания падали голодных масс. Даже молвили тут мертвецы, что там когда-то прорастали трав зелёные кусты, но их тут же пожирали, не давая распространения по мертвой, кровью залитой земле. За Агроном сияли пламенные восходы и заходы, да всегда там было зрелище прекрасно. Туда все здешние пытались попадать, они шли по рекам крови, что текут оттуда, где полыхает рассвет, сменяясь алым закатом, они шли и приходили, но позже падальщикам привозили их изувеченные тела. А однажды творца они привезли, что гнилью был пропитан насквозь, а в дневнике его написано легко да давно составленная мудрость: «Везде хорошо, где нас нет... А тут войны идут бессмысленные, тут наших убивают, тут своих казнят, а закаты и рассветы здесь пропитаны не красотой, а залитою кровью, вытекающих из недр, из которых изредка вытекает нефть.

Одинокие места, темные сожженные поля, пепел, летя-

щий из небесного массива, падающий на головы. Холод. Жестокий зимний холод, хоть и не указывает на зиму. Запах гари, противный запах гари и боль, что ты не чувствуешь, но она с тобой, она сзади, она спереди, справа, слева, сверху и снизу, это воздух, которые несет с собой легкий вкус прогнившей плоти, что будет обглодана стервятниками, которым ничего не остается, как пожирать вонючую плоть, как отрывать последние куски мяса от неё.

Тут нет памяти, есть только момент, которые так беспощадно норовит вырвать тебе глаза, лишит воздуха и смысла идти дальше. У мертвецов, что изредка встречаются на пути пустота в глазах, лишь холодный мрак, лишь та просьба у свинцовых небес о даровании покоя, но в этих краях никто, даже тот, чья душа изуродована и мертва, не найдет покоя, ведь это место и есть тот покой, которого искали эти чертовы мертвецы... А вокруг это пустынного хаоса, что окружен завесой тайн и вопросов просто становится страшно. Этот тихий, неслышимый ветер создает хотя бы что-то в ушах, но даже он не спасает от безмолвия тон трупов, что, как на подбор, разложены, словно тропа или плот из бревен. Идти по ним – безбожность, но и выхода другого нет. Только вперед, только по трупам... но ради чего? Ради чего люди шествуют по мертвецам и холодным головам? Я, увы, ума не приложу, но Виктор идет... у него цель, ради которой он готов стать монстром. Но цель поистине божественна, достойна восхваления самого бога, ежели та сущность имеет в этом

мире из разбитых кровью зеркал. И напор нужен кровавой, чтобы хоть одну трещину вызвать на стекле? И какой нужен нрав того, кто её выливает, но, увы, тут все безнравственны, поэтому и за них всё делают.

Сей мир жесток, но в нем нет понятия добра, в нем нет и зла, тут всё так, как в реальности, но только без прикрас. И это жестоко и выбивает из него, и кажется всё мигом таким реальным и живым...

Виктор шел по мертвой почве, он скитался, он не знал, что делать дальше. Была только цель – найти её, что вылечит и примет его живым, здоровым и вновь полюбит, пока цветут вокруг цветы. И чтобы хоть капельку отвлечься от тоски, чтобы не потерять душу мимолетом, он рубашку свою отодвинул, высунув кулон. – Я приду, ты только жди... Я найду её, найду смерть и выполню часть своего договора... – говорил он тихим, слабым голосом, хоть на лице сияло мужество. Он поцеловал кулон, а по щекам потели одинокие и соленые слезы, стекающие до губ, оставаясь на них. И вдруг ударит молния, и вдруг жизнь пролетит пред глазами, но была ли это жизнь, ведь мир, в который он попал, не есть жизнь, это чистая смерть, это чистый страх и холод...

II. И холодно, и страшно смотреть в немые зеркала.

– Страх уже одолевает тебя? – был слышен голос в голове Виктора, что молча, свесив ноги с обрыва, любовался заревом небес. Красиво было зрелище. Свинец в облаках

уж ушел на задний план, озарив перед очами лишь пустоши черной земли, освященной лишь ярким оранжевым и таким приятным глазу взором, что казалось, нет различий между этим и миром жизни, где цветет в таких местах полынь.

И каждый миг в голове звучал нотками тихий ропот, но слышал его отчетливо, но не всегда хотелось понимать слова.

Встречались на пути Виктора различные виденья, что вот тут, за углом, где-то стоит завод, он пылает, на нем люди, горами мертвецов лежат, над ними стоит главарь, что обликом, как будто, жестокий и такой огромный, как червь, как порождение черни, как узурпатор и кровопийца стоит. Он и что-то говорит, но всё мираж, всё лишь стены прозрачные, за которыми, прошу на миг, скрывалось то, что слышал голосами отдаленно в голове. Будто правила кто-то изнутри твердил.

И каждый раз, и каждый день, скитался по пустынным мертвым местам, смотрел на небеса, что изредка сменялись осадками. И как-то раз он шел среди кого-то гиблого месте, где наконец-то нашел хоть что-то отдаленно напоминающее ему реальность – это была сожженная изба, иль дом, точно не скажу, но внутри варился очень, очень противный, но питательный на вкус суп. Изнутри было пусто, но этот голос в голове твердил, что он тут не один. Что он тут не один...

И он скитался по комнатам, искал он что-то, что приведет его к разгадке. И он ходил, искал хоть что-нибудь, за что в силах зацепиться его одинокий и скучающий взор. Тут

пыль витала, преломлялось взором солнца. Было тихо, лишь скрип от ветра, от открытой двери издавал звуки.

Виктор, проводя взглядом дом, увидел скрытую дверь за мебелью. И он прошел к дверям, начал двигать мебель, вдруг дверь грохнулась внутрь, освободив юноше проход.

Из подвала доносился запах петрикора, такой знакомый, такой любимый и родной, будто оказался он не в каком-то гнилом и чудовищном мире, а в мире живых, в мире, где идет не лишь кислотные дожди, где не лишь пепел падает с небес, а снег чистый... такой белый-белый, что душу сразу согревает. Но тут и неприязнь, даже некий ужас пред тем, как шаг ступить в этот подвал, ведь кто уж знает, что ждет его там.

Внизу, как в преисподнии, он нашел свой ад из миллионов зеркал. И в каждом он видел лишь себя... Где ребенок бежит по территории родимого дома, догоняя отца. Весна цвела тогда, играли птицы великий оркестр для души, для приближения теплого лета. Лучистая вода текла по почве, окружая молодые, недавно высаженные цветы, что так активно тянутся к небесам. И всё было прекрасно. Легкий ветерок, обвивающий волосы, но взгляд юнца на той стороне зеркала... Это ужас. Он смотрел с неимоверной ненавистью, будто ненавидит сам себя, ненавидит старшую версию себя. И из счастливого юноши, что с отцом играла в догонялки, стал миготом пред ним тот, что воткнуть желает со страстью в сердце кинжал. Виктор посмотрел с ненавистью в своё отра-

жение и почувствовал неутолимое желание ударить его, разбить и убежать, но вместо этого он просто попятился назад, отвел взгляд, увидев другое зеркало... И там уж было другое отражение, уже повзрослевшее отражение, что с не меньшей злобой смотрело на Виктора. И сейчас он наткнулся, оперся на стену, что ощутил спиной, оперся на холодную, ледяную стену, которая стала его пристанищем в этом окружении зеркал.

– Нет... – говорил он, скользя по стене... Глазами начал он бегать, искать хоть одно отражение, что улыбнется ему, что посмотрит на него, как на человека. – Неужели всё настолько плохо?! – кричал Виктор, закрывая глаза... а на дале лишь тишина, сопровождающаяся глубоким и тяжелым дыханием юноши, что продолжал кидаться взглядами и искать хоть что-то, что поможет ему.

– Ты – это теперь не ты! – хором заговорили отражения паршивые. – Ты стал жалкой копией себя! Тем, кто не ты! Ты стал лишь куском мяса без чувств и эмоций!

– Заткнитесь! – закричал Виктор, разрывая горло от крика, выплевывая легкие, что начали гнить, пока Виктор находился на мертвом воздухе... Он залил кровью пол и самого себя. Казалось, что сейчас он сойдет с ума. Он нарочно продолжал искать хоть одно отражение, что посмотрит на него по-доброму... Но из сотен зеркал так и не смог отыскать заветный лик... Лик, что так мило взглянет на него, указав на то, что ещё не всё потеряно в жизни его, что ещё есть хотя

бы шанс всё изменить... И вдруг он заметил уголок скрытого зеркала, скрытого другими зеркалами... И ринулся он к нему, бросая на пол то, что со жгучей ненавистью смотрела на него... В том зеркале он увидел свой труп, лежащий на черной и кровавой земле. Лик был устремлен в небеса, а рядом плакала... она... его избранница, его душа, его единственная любовь. Он остутился назад, почувствовав кончики пальца чьи-то; оглянулся и увидел руки, что тянутся к нему тело, руки младенца, юноши, подростка, руки его... Руки собственные, что хватаются за такие же, но кровавые руки. И вокруг лишь восстает животный... нет, не страх, а ненависть! Ненависть к самому себе, но больше – к этим чертовым зеркалам, что твердят: – Вернись, идиот! БУДЬ СОБОЙ! ТЫ НЕ ТОТ, КОГО ТЫ ПОКАЗЫВАЕШЬ!

– Я сам выбрал этот путь! – проговорил Виктор, отбиваясь от одной из рук, нащупывает какую-то кочергу и производит взмах руки, разбивая зеркала...

Удар, за ним ещё один... Кочерга уж не нужна, бьют руки, разрезая плоть стеклами, оставаясь там... А кровь впитывается внутрь, кровь сжигает плоть, сжигает плоть, но это не видно, фибры души не чувствуют боли физической, они чувствуют лишь этот пожар внутри. Горят сухие леса, горят синим пламенем, погибают животные, превращаясь в сгоревшее мясо. Погибают белки, волки, все зверки, что так прекрасны были, но лес горит... а они задыхаются, как задыхается его душа, но нет времени слезы лить. Есть лишь нена-

висть, которая перекрывает боль и страдание внутри. Все, до последнего трюмо, уничтожают в нем всё, что суще было, уничтожают его плоть, что из-за собственной крови, превращается в одни кости... нет уж больше кожи, нет и мяса, только голые кости.

И уж когда все зеркала разбиты... поднимутся глаза на потолок, потекут слезы. И раздастся вдруг вопрос к самому себе: – И кем же я стал? Кем ты стал, Витя... А ведь раньше всё было по-другому, раньше всё было... а сейчас что? А сейчас я разбиваю зеркала, в которых вижу свои глаза... в которых я вижу себя. Я разбиваю те осколки прошлого, что некогда любил, что так сильно люблю... ведь тогда... я был человеком. Тогда была она жива. А сейчас... а сейчас я лишь биомусор. Лишь бессмыслия кусок в бессмысленном мире. Но был я собой где-то миллион таблеток тому назад. Таблеток успокоительного, таблеток антидепрессантов и экстази... почему ты ушла? – спросил Виктор, вынимая из-под белой рубахи кулон, открывая фотографию девушку, но вдруг увидел, что кусочек превратился в пепел, взмыл в воздух и развеялся из-за сквозняка почти сразу... – Прости, умоляю, моя девочка... Я обещаю, я приду, я буду рядом, я буду с тобой, всегда буду с тобой! Я найду тебя! Я не знаю твоего имени, но мы будем счастливы, ты вновь спасешь меня от слез, ты вновь спасешь меня от боли собой. Я люблю тебя, моя девочка, моё солнышко... – говорил он, роняя слезы на её портрет. Казалось, что она милее стала улыбаться, казалось, что мило

смотрела на него.

Холодный ветер. Яркая луна. Тишина. Гробовая тишина. Кровью залитая рубашка, развивающаяся на ветру. Идущий куда-то Виктор, смотрящий на луну грустным взором. Он тянет к ней руку, а видит лишь голимую кость, а за ней этот осколок спокойствия, что помогает ему не сойти окончательно с ума. И страшно, и грустно, и холодно... – Хочется тепла... – говорит Виктор, останавливаясь посреди бескрайнего черного поля, где всё выжжено войной, где всё погибло, где нет жизни, только лишь Виктор, что ныне похож на тех, кто более всего других лежит здесь.

Он посмотрел на свою костяную руку, вдруг осознав, почему тут все обратились в кости. – Они все скелеты от того, что ненавистью пылают. – он лишь улыбнулся после этих слов луне, что так сказочно сияла над головой. Воцарился над ним словно праздник и парад звезд, что пляшут над ним прекрасный вальс, как освещают ему путь куда-то вдаль... Но ярче всех светит лишь она – его путеводная звезда. Его путеводная звезда, у которой лик, точно списанный с неё. Она прекрасна, она дорогу освещает, а он идет по свету её. Не видит то, что по краям. Пред ним сияние, пред ним четко очерченный путь, по которому расцветают цветы, по которому почка становится прелестью из пепла, возрастает цветок от каждого нового шага. Но руку жжет, но он не чувствует, лишь улыбается, идет и не думает, ведь теперь он счастлив

хоть немного. Он чувствует её. Виктор чувствует, чувствует её тепло, её руки, что полыхают любовью.

И падает он без сил на зеленую и такую приятную, свежую молоденькую траву, смотря на её улыбающийся лик. И молвит вслух: – Вот и ты, моя девочка. Наконец–то ты пред мной, но так далеко. Но знай, любимая, я скоро найду тебя. Я скоро буду рядом. На ум приходит лишь одно имя, кажется твоё... Ева!

III. Та, что жива среди мертвецов.

И солнце озарило очи пред пробуждением, словно говоря: – Вставай, любимый! – молвило он голосом той, что видел он на небесах, голосом любимый. Лучи солнца были словно взгляд её, словно бриз океана, стужи... Ах, какие же красивые и небесные очи освещали его лик. Она обнимала его, он чувствовал это, она целовала его лучами своими, он поглощал их. Он пока не мог светить в ответ, ведь он опущен в самый тлен...

Виктор смотрел на небо чистое, любовался. Он видел знакомый и любимый лик. Он наслаждался пением ветра, что ныне так спокоен. Он наслаждался шелестом травы вокруг, цветов, что окружили его, заполонив поле. И вопросов пока не возникало, не об этом думала голова.

Он слышал её голос, он чувствовал её губы на своих губах, но стоило лишь опомниться, как он понимал, что смотрит не ей в глаза, а гущу небесных сводов, что лучезарно озаряют

его лицо, его карие глаза, что, как кофе, растворяется в этой синеве, удаляясь от земли.

И скажет он пред тем, как встать только лишь одно: – Я иду за тобой, я иду к тебе, моя девочка, моё солнышко... Моя самая красивая девочка в этом безмолвном, грустном и гнилом мире. Я иду к тебе, моя любовь, моя Ева.

И отправится путник в дальний путь, что сулит ему дорога и тропа, что сулит сожженные пожарами леса. Всё, как часть его души...

Уж засиял день, когда он понял, что вокруг раскинулось зеленую пылающее поле. Поле, что покрыто ягодами, цветами и кустами, что в низине ожидал его великий папоротник, а в пруду, что кровью некогда залит был – плескались рыбки, взирая на него, как на отца, как на Бога, давшего им жизнь. Рука, касаясь травы зеленой, более не зудела, заставляла забываться, что нет её, заставляла чувствовать себя живым, пока он рядом с собой, бегущей и счастливой, представлял её. Она в его голове твердила, что ждет, что обниматься вечность хочет, он был готов, но продолжал идти, чтоб не кануть в небытие, чтоб вновь её обнять, на этот раз уж не отпустив никогда. Чтоб смерть слаба была, чтоб жизнь казалась пустяком, ведь для них любовь – получше жизни. Получше жизнь в одиночку.

Вскоре, когда уж солнце затянуло облаками, когда пове-

ял легкий сплин, перестали распускаться на мертвых, черноземом усыпанным, полях цветы, когда накинута тоска с неимоверным желанием идти, показалась зеленая чаща. Не такая, как ране было, она была живая, цвела и пела, как будто в лесу реальном очутился Виктор.

В нем всё было, как на подбор, всё цвело, как будто на экваторе, всё пылало, всё пахучим и прекрасным амбре обвивало лик. Послышался лепет птиц, что шатали великие заросли листвы, взмывая в небеса. О как же тут всё благоухало, всё пылало жизнью, что казалось, это рай в самом аду.

Белки, перемещаясь стадом, плясали на подмостках рая, что кажется бескрайним, но он конец имеет, хоть тот всё отдаляется от центра. Тут бегали лисицы, белки, даже зайца глаз заметил. Биология тут царила чудесная... А сколько дивных птиц витало без деревьев, а что удивленными очами взирали на идущего Виктора в оборванной и кровавой рубахе... не сосчитать. Весь мир живой... хотя кто уж тут живой, то? Весь он смотрел на путника, что шествует своей дорогой, не зная точки назначения. Куда уж приведет его бесконечный путь? Может канет в небутьё? А может воспрянет от оков?.. Всё одно – ждет его какой-либо исход.

И заметил глаз, откуда начинались разрастаться цветы, травы и деревья – то был особняк огромный, выложенный красивой кладью, но выглядел он одиноко, хоть пылали по дневному времени в нем различные света. Из окон доносились, озаряя мир, что и так наполнен светом солнца.

Все стены его было закиданы кустами, что казалось, дом заброшен, но Виктор сделал шаг на территорию, оглядел богатый двор, увидев молодую деву, собирающую цветы, что на вид словно мята... Да, это была как раз таки мята, а рядом росла мелисса. Дева мило улыбнулась путнику. И он услышал слова: – Здравствуйте! Как вы сюда забрели, юноша? – странно, что такая молодая кровь клеймит более старших людей “юноша”, но суть не в этом. Главное то, что она заговорила с ним.

Не знал он, что ей ответить, просто стоял, смотрел на дом.

– Ну ежели не желаете говорить, то нестрашно. Вы можете остаться, ежели желаете. Давно уж у меня не было гостей. – улыбнулась дева, озарив Виктора лучезарной улыбкой. Такой чистой, такой доброй, что показалась искренней до глубин душ. И он задумался, решив заговорить с ней.

– Здравствуйте. Простите, что не ответил, просто непривычно видеть здесь... живых людей. – заметил Виктор, подходя к ней.

– Живых вы здесь и не встретите, юноша. – она мило засмеялась. – Тут же все мертвецы. Разве вы не знали. Даже я.

– Вы мертвы? – спросил Виктор, встав рядом с ней.

Дева поднялась с земли, держа охапку трав в руке, завязывая узелок на их стеблях, что так бережно оторваны от корня, чтобы дать возможность прорасти траве прорасти вновь. – А неужто вы думаете, что нельзя счастливо жить и после жизни? – он усмехнулся. – Вы так смешно говорите,

будто сами не знаете, что мертвы. – она оглядела его с ног до головы. – О боже, ваша рука... Что же вы натворили, юноша?

Виктор молчал. Она протянула руку к костям. – Сильно жжет? – спросила она, взявшись за неё.

– Нет, вовсе нет. – он отдернул руку, не давая деве коснуться её.

– Я хочу помочь вам. Чтобы она у вас не болела. – сказала девушка, опустив взгляд на травы. – Давайте пройдем в дом. Желаете чая испить?

– Да, был бы не против. – проговорил Виктор, проследовав чуть после за девушкой.

Они оказались в доме. В красивейшем доме, что так и сиял чистотой, благоухал. Так и веяло комфортом.

– Как вы думаете, Виктор, отличается ли жизнь от смерти? – спросила дева, наливая кипяток в чашку, после добавляя раствор Melissa и мяты, плавно поправляя волосы.

– Не знаю... Я не вижу различий. Моя жизнь выглядела именно так в последние года жизни. – заметил он, проводя пальцем по листьям папоротника.

– Желаете знать различие? – спросила она, поставив перед Виктором чашку с чаем.

– Да, очень. – ответил он, коснувшись кружки.

– Здесь душа тоскует по-былому. Более нет ничего, я не чувствую. Но я чувствую, что и ваша душа тоскует по чему-то.

Виктор спрятал глаза, сделав глоток.

– Ваша рука... Расскажите, как так получилось. Это в следствии жестокости и уныния?

Виктор посмотрел на неё. – Да, к сожалению, именно из-за этого.

– Могу ли я попробовать что-нибудь сделать? Хотя бы облегчить вашу боль. Я вижу, как дрожит она. Я чувствую вашу боль. Но прежде позвольте я узнаю, как вас зовут.

– Виктор. Меня зовут Виктор. – сказал он, сделав очередной глоток вкуснейшего и такой успокаивающего чая.

– Красивое имя. Меня зовут Габриэлла, приятно познакомиться, Виктор. – промолвила девушка, улыбнувшись.

Виктор озарил её божественным взглядом. – Это имя...

– Что с ним не так? – улыбнулась дева, пододвинув к Виктору яблоки, выращенные в богатейшем саду.

– Кто дал вам это имя?.. – робко спросил юноша.

Девушка лишь мило усмехнулась, а после изрекла: – Ты правильно мыслишь, Витя. – она привстала из-за стула, подошла к нему. – Дай мне свою руку. – мило изрекла девушка.

Виктор протянул костлявую кисть. Он почувствовал что-то нечеловеческое в её руках, что-то божественное, ангельское, точно нежное перо прошло мимолетом по его запястью. Вдруг боль пропала. Он жаждал взглянуть на свою кисть, но дева закрыла её рукой, чтобы он не видел процесса, а позже с явным интересом спросила: – Ты живой?! Но как же ты здесь оказался, Витя... – она встала, открыв обзор для полностью цельной руки, обросшей кожей. – Как ты оказал-

ся в этом мире мертвых?

– Как вы сделали это?! – начал восклицать юноша, не верующий своим глазам, осматривая руку.

Девушка ничего не ответила. Лишь указала рукой на зеркало, в котором не было её отражения. Но после всё-таки она заговорит и скажет: – Ты прав, Виктор, я не человек. – сказала она. – Твоя рука должна была окостенеть, но ты... не мертвец, ты живой там, на земле. Линия твоей жизни продолжается. Ты спустился в мир смерти, но зачем?

Виктор протянулся к рубашке, вынул кулон, посмотрел на фотографию, что обрела цвет, посмотрел на голубые глаза девы, что с невероятной любовью смотрит прямо в его очи.

– Её не существует в твоём мире?.. – спросила девушка, поднося руку к руке Виктора. – Ты здесь, чтобы найти её?..

– Да. – утвердил он, поцеловав кулон, а после убрав его обратно, убрал его к сердцу.

– Ты великий человек, Виктор. Над тобой не властна, ни жизнь, ни смерть. Ты не боишься пути этого... Ради любви, ты готов распрощаться с жизнью, готов пуститься в бесконечные просторы мира мертвецов. – она поднесла руку к его лбу. – Я благословляю тебя, юноша. Ты найдешь её, даю свою клятву. А сейчас отправляйся спать. Тебе предстоит сложный путь.

Виктор оглянулся вокруг – девушка пропала, а солнце начало спускаться за горизонт. Всё осталось, как и было, лишь на столе лежала серебряные карманные часы. Он протянул-

ся к ним, открыл и увидел её... свою возлюбленную, только уже другую фотографию. Фотографию, на которой они целуются на фоне падающего снега. Слезы потекли по его щекам. Повеял теплый ветер из окна, а голове образовался туман. Очень клонило в сон. Безумно хотелось раствориться под теплом одеяла. Хотелось раствориться в объятиях той, за которой он следует, которую он ищет.

Он лежал, растворяясь во тьме, смотря на тёмный потолок, думая о чём-то, потихоньку засыпая. Но вдруг почувствовал он руку чью-то на своей груди. Он бросил взор на руку, а позже налево, где лежала она... Беловолосая девушка с голубыми, как море, как самое чистое и прелестное небо, как лучезарные бриз росы по утру, глазами, лежала на плече, немного притаившись во тьме, но было видно её, как видно солнце даже в самой крошечной тьме, видно её было так, как небесный луч в потемках этого ужасного мира, мира, где нет смысла, где нет ничего, и ничего не имеет смысла, кроме одной и единственной. Она носит название любовь, но любовь настоящая, неподдельная, та, о которой мечтают все, но та, которая всем недостижима.

И любовь так приятно молвила, таким голоском, что сводит с ума, что заставлять утопать в ней полностью. Но ты окунаешься в любовь по своему желанию, ты окунаешься не потому, что зависим, а потому что любишь безмерно. – Знаешь, солнышко, я думала сегодня и поняла, что мы навсегда

останемся вместе.

– Почему ты об этом думала? – как сахар, что размешивает ложка, как сок чистого фрукта, что смешивается с водой, как человек, что смешивается с любовью отвечал он.

– Я не хочу терять тебя никогда... Я плакала сегодня, когда ты ушёл. Я почему-то боялась, что ты не вернёшься ко мне... – и трепет был в этих словах, страшный трепет, что слышен был без взора на лицо, что слышен был не голосу благодаря, а тому перебору фибр из души, что сопряжены с другой душой, что рядом лежит, что обнимает, не желая отпускать. Не желая никогда отпускать.

– Глупышка ты моя. Никогда и никуда я не уйду от тебя, Лиза. – он испугался, ибо перепутал имя, он провел своей рукой по её голове, он провел рукой по этим прекрасным белым волосам, что выглядели как любовь, но были лишь составною частью её, а после поцеловал голову, что нитью коснулась его, пройдя сквозь душу, но не ушла, а обмотала её, дабы согреть и уберечь от ветров и диких морозов, от чего и стало так тепло вокруг них. – Я люблю тебя, девочка моя.

Она прижалась к нему сильнее, а он обнял её крепче.

– Я надеюсь, что ты останешься со мной навсегда. – изрек Виктор, глядя девушку по чудесным белым волосам. – Надеюсь, что мы никогда не расстанемся...

– И я... Я очень люблю тебя... – тихо промолвила дева, проводя рукой, что словно ангел, касается тела его. – Мы останемся вместе навсегда... Пока не умрём. – сказала она,

пробив то, что запрещено было, о чем нельзя было говорить. И этим словом она вынесла приговор для любви, для чувств Виктора.

Слезы потекли по его и её щекам, как течет роса по утренним цветам, что чудом цветут под небесным сводом, что цветут на равнине величавой, покрытой небольшой, такой приятной наощупь травке, он посмотрел на неё грустным взором, утопая в её очах, как в океане, как водолаз, смотрел он, погружаясь всё глубже и глубже в душу, находя себе приют в ней, как ребенок находит любовь среди сердец родителей, так и он нашел приют в её душе. – Даже смерть не разлучит нас.

– Смерть?.. Надеюсь. – она погладила его по груди, начиная засыпать, как нимфа, озаряя ему путь, что нелегко, что сложен будет, но что пройдет он, выйдя на периферию, мило осмотрев её взором, а дале зарыдает, как дитя, дитя, что так любит её.

Виктор заплакал... Заплакал, потому что путь труден. Путь пред ногами. Труден этот потолок, что холодом и мраком сменяется, как проносится мгла, как проносится мимолетом память о том счастье, что так тепло, что так сильно согревало изнутри. Но эти слезы... этот крик, что ночью твердит: – Мне так не хватает тебя! – что целует ожерелье, что целует фотографию её изнутри часов, что чувствует страх пред каждым шагом, что не хочет просыпаться без неё, что должен идти, чего бы то ни стоило, ведь любовь... его ждёт

она за стенами, она ждёт его там, где гаснут мира: там где создается новый мир – мир любви, что огромной и неимоверной гладью покрывает всё другое, все другие миры. И как жаль, что предаем мы порою любовь, пускаясь из водной глади на острова ножей, где бежим по краю острого ножа. Где ищут люди счастье, не желая принимать, что счастье ждёт лишь слова, слова, что ещё любим, что ещё любишь. Я не хочу жить в мире, где нет любви, не хочу жить в мире, в котором нет тебя...

И поднялся он с этой кровати ужасной, но ныне любимой, ведь в ней он увидел её, он чувствовал её, её трепет сердца, её любовь, что бесконечно зиждется лишь на нем, что так жаждет целовать и обнимать его, что жаждет растворяться с ним в мире, что принадлежит только им, где нет ничего, кроме их, где никто и не нужен. В мире, где их ребенок встретит с матерью и отцом счастливы рассвет, восход солнца, где согреют его любовью, как накинут плед, защитив от мира, где полюбят так, как только лишь способны любить детей. Но, а пока... черная мгла за окном, черная, кровью залитая плоть и полуживые тела, скитающиеся по миру. Небеса, где ангелы за его душу дерутся на ножах. Мир, где души других покрываются гнилью, душа его воцарится и получит шанс увидеть, обнять, целовать и никогда не отпускать её.

IV. Гниль.

Виктор шел бесцельно по бескрайним полям, просто шел,

но будто он знал, что идет в правильном направлении, что идет к ней. Идет сквозь все тернии, сквозь боль и страх, что поджидает на каждом углу, пока вокруг него, позади расцветают цветы, пока черное солнце озаряет его очи. Пока читает он письмо, что оставлено им в мире живых, что гласит о бесконечной любви, что гласит о том, что будет счастлив. Кто уж знает, как оно здесь оказалось.

Каждый новый день он чувствовал, что привязка к миру, из которого он пришел намерено уходит, как уходит десятки километров за спиной, как уходит минуты, часы и дни, что уж пройдены. И с каждым шагом он отдалялся от мира, где не нашел места, где не нашел её глаз, канувших в лету, но не для него, ведь помнил он очертание её очей, что, как солнце, озаряли его, даровали незыблемое чувства. И было очень холодно ему среди теплых, а среди мертвецов уж сильно жарко, уж очень сильно бьется его сердце.

Тут множество людей скитается. С кем-то даже он болтает, пока те не оборачиваются в пепел, кто-то даже у него на глазах.

Сначала ему было это боле чем безразлично, а дале начал чувствовать сильнее боль, что уходит вместе с пеплом, который он оставляет, касаясь сгнившей плоти, что падает на землю, безжизненно прощаясь с ним.

А порою казалось, что наблюдает за ним кто-то, даже не один взор из небесных сводов над головой. И видел он в них

взгляды, но искал всегда один, что и находил всегда: те голубые, те любимые глаза, что так пристально, так чисто и любовно следят за ним, будто наставляя на путь. И он отвечает не в слух, но отвечает: “Я буду идти, моя путеводная звезда!”

И он идет, невзирая на преграды по пути.

Однажды выходит он на пустырь, хоть тут каждый второй участок – выжженный пустырь, но не суть. А там стоит развален дом, где свет чернью горит. И видит он там людей, что полу мертвецы, что полуживые, ни рыба ни мясо.

“Боже... что здесь творится?” – думал Виктор, проходя под светом ультрафиолета, под амбре алкоголя, под запах гнили... пахло трупами.

Царствие гнилых, царствие мертвяков, что так улыбаются ему навстречу, гнилью изливая все свои “великие чувства”, что так хотят помочь советами, что так гнилью окатят силуэт, кто-то, якобы по-дружески, дотронется, плечо потрепать захочет и сказать: – Всё будет хорошо, не волнуйся.

Тут каждый мертвец лучше знает, как жить. Тут каждый гнилью пропаций совет непрощенный даст, в этом случае каждый любит в постель чужих залезть. Тут каждый верит в то, что он особенный, что он избран, а ещё верит в то, что каждый – друг его, хоть за глаза и ненавидит, слова несчастной грубости несет.

И как вообще живой забрел на вечер к гнилым? Как Виктор оказался на бале мертвецов... На деле, просто всё – от-

вет искал. Ответ на вопрос “Где смерть сыскать?”

На удивление никто и не знал, на удивление все шугались от единого о ней вопроса, будто ей запуганы.

На глаза Виктору показывались различные виды. Например, как почти живой тут же в кости обращался. Например, как половинчатые скелеты, что полуживые, флиртовали с лежащими костями. Как кто-то напивался в стельку черной массы из недр земельных, тут же без сознания падал. Кто-то черный порошок в ноздри вдыхал. Кто-то забывался, искал выхода на воздух. Из последних был и Виктор, но уж после получасовых поисков ответов.

Вышел юнец на балкон, отдышаться, воздуха глоток свершить, как почувствовал на плече костяную руку. – Выглядишь одиноким. – сказала она, разинув рот. – Я могу исправить это, красавчик.

Виктор откинул её руку. – Не говори со мной! Проваливай туда, откуда пришла.

– Красавец, не будь таким грубым. Я же вижу, что тебе тяжело. Я могу помочь тебе с этим.

Виктор зловеще засмеялся. – Мне не нужна твоя помощь, дура! – сказал он, оттолкнув от себя красивого, но такого гнилого человека, такого гнилого мертвеца. – От тебя разит трупами, алкоголем и... ужас! Не смей даже приближаться ко мне! – он встал в то же положение, что и стоял.

Девушка подошла ближе к нему. – Ты просто очень понравился мне... понимаешь, тут многим нужна помощь, и

я хочу помочь всем, кому могу, и как могу, понимаешь? – она подошла к нему, практически положив руку на промежность, но тут же потеряла дар речи, залив артериальной кровью всё вокруг. Клинок Виктора, что он нашел неподалеку, пришелся прямо на её окостенелую руку, что с хрустом отлетала в сторону. – Что ты наделал?! – закричала она. – Помогите!

Виктор спрятал клинок, уходя, но вдруг услышал мужские крики позади. – Эй ты! Остановись! Ты ответишь за то, что сделал!

Виктор развернулся, уже будучи готовый обнажать клинок, как заметил, что рука его начала тлеть, развиваясь улетать в унисон ветру, как летит сигаретный пепел, как летит к полной луне, что так зловеще взирает на него, словно змея, жаждет впрыснуть яд внутрь тела. “Нет... только не это... Я совсем забыл...” – но продолжил обнажать клинок. – Тихо! Успокойтесь! – закричал он, наставляя левой рукой на них клинок. “Черт... Что мне делать?! Что я наделал... это был... жжет в груди... безумно сильно жжет в груди.” – думал он, пока его окружали полуживые.

Вот и пришелся первый удар, но Виктор успел отразить его прямо возле шеи. – Успокойтесь! Она бы всё равно бы её потеряла! Вы уже мертвецы, рано или поздно канете в лету! О вас и никто не вспомнит! – после этих слов на него накинулись сразу двое... он не смог отразить все удары – его плечо было разрублено, из него сочилась обильная струя крови.

– Черт! Он живой! – закричали они, отступив назад, а далее скрылись в руинах этого ужасного места, забрав с собой ту деву.

– Какого черта происходит?.. – изрек Виктор, опираясь на каменную стену.

– По приказу Владелицы, они не имеют права трогать живых, Витя. – послышался мужской голос позади.

Виктор мигом развернулся, никого не увидев. – Спокойно, я не враг тебе. – по фибрам голоса можно было понять, что он принадлежит юному... лет семнадцать парню. – Я не хочу принести тебе вреда. – ныне голос доносился сверху. – Сейчас успокойся, раскрой ожерелье и просто смотри на неё... Всё пройдет. Рана тоже. Но, а главное, – Виктор ощутил касание руки на своей груди, чуть ниже и правее области ранения. – пройдет душа...

Виктор и правда почувствовал облегчение, взирая на деву, ощущая касание пальцев на ране и возле сердца. – Ты ищешь Смерть, я прав? – спросил голос.

– Да...

– Зачем она тебе? Неужто ты захотел вернуться в мир живых или попасть к Отцу?

– Отцу? – уточнил Виктор.

– О, нет, ничего. Зато теперь я знаю, что не к нему. Но тогда почему ты попал сюда. Ты ведь живой. Твоё тело, твоя душа... она пылает, она тепла ещё, хоть немного покрыта тьмой.

Виктор молчал, подняв глаза, спрятав ожерелье. – Не смотри на меня, Виктор. Пока нельзя. – сказал юнец из-под капюшона. – Прости, но ты не должен видеть меня. – он силой припустил его голову, чтобы тот смотрел на каменную землю под ногами.

– Кто ты? – наконец сказал слово Витя.

– Я? Неужели тебе и правда интересно?

– Да, очень.

– Тогда подожди немного, я думаю, мы ещё встретимся, но уж при других обстоятельствах и я представлюсь тебе.

Мимолетом Виктор заметил белые, как снег... нет, как пепел волосы. Такие мягкие и шелковистые на вид. Хотелось потрогать их, почувствовать их прелесть. Они будто сияли, развиваясь на ветру.

– Твоя рана прошла. В следующий раз меня может не оказаться рядом. Как и Габриэлы. А сейчас... приходится прощаться. Я надеюсь, что ты найдешь её.

Виктора начало клонить в сон, а когда он чуточку оклемался, то увидел лишь пламенный и прекрасный рассвет, что с такой прелестью окатывает его лик, освежая, побуждает идти далёко. Юнца уж рядом нет, но кость... покрылась плотью, а рана была затянута. Оставался лишь небольшой шрам, который должен был скоро затянуться.

Виктор открыл ожерелье, осмотрел возлюбленную. Она улыбалась ему. Наконец–то улыбалась ему...

V. Лабиринт цветущей смерти.

Шел дождь сегодня сильный. Тучи свинцовые изливались небесными слезами. Опускался густой туман, что поглощает тело, поглощает тебя. А может было это облако дыма, а может смог, что спустился, разорвав облаков черных гладь.

И шедший словно вечность путник, взор свой, потерявший в тумане, чувствует холод у ступней, что покрыты черной ледяной землёй, что вскоре стала бы черноземом. Он чувствует, что сгущается тьма вокруг, тьма без лика и слова, тьма, что есть правда, что есть истина не людская, истина, что божественна, что изнутри всё поддевает кровью—нитью, сшивает райские мечты с адскими мотивами, говоря, что нет ничего, кроме этого ледяного ветра, кроме этого холода на синих и черных от земли кровавой ногах. Всё, что суще ныне есть кошмар, есть страх, но, в то же время, непреодолимое желание всплыть из плена нефтяного океана, взирая на жизнь, что для него была равна смерти, равна тому, что ныне под ногами, что ныне пред глазами.

– Безумие... – раздаётся из пелены тумана. – Ты чувствуешь кожу своей его? – молвит голос без оттенков, голос, что голосом и вовсе не является... Это не голос, это страх, это сущность зла, это то, что скрывало мирское здание в ледяной земле. – Ты чувствуешь страх? Что же... зачем ты пришел сюда? Найти любовь свою или смерти сыскать, помолвить с ней, ведь такие лики ваши знакомы меж собой, словно капли две, словно брат и сестра, словно холод и жар. Так кто ж из

вас анх, кто из вас инь, а кто янь? Где судьба твоя, где жизнь твоя приют сыскала? В пене черной, что смертью все называют, хоть ни разу не видали?

И молчал путник, взглядывая в свет лампадный сквозь туман. Тишина. Абсолютная тишина. Как по Андрееву молчание, как страх быть скованным тьмою, но желание отдаться ей с головой, остаться в пелене тумана.

– У тебя нет даже имени, ты придумал его! Придумал историю, сам поверил. Так жил ли ты, аль умирал вечность? Было ль твоё рождение когда-то? Или ты просто странник, что прибыл в этот мир дарить людской девицы счастья безмерного? Кто ты есть? Ответа сам ты и не знаешь, по делу говоря, ты его и не хочешь узнавать. Ты лишь пепел, что образовал материю, ты лишь симулякр, ты оболочка, за которой органы, но есть в тебе, как и в других, хоть капелька души? Иль ты такой же обыватель, как другой? Но тогда никакой ты и не странник, но кто?

Мимолетом он почувствовал руку на своей шеи, почувствовал, как ноги отрываются от земли. – Кто ты, Лжевиктор? Ангел, Бес или человек?

Виктор рассмеялся, как дитя, что бред несет какой-то, что придумал я мельком, что в голову, как синица, приземлилось. – Я порождение луча! Ни вечного, ни конечного! Я ни свет, ни тьма, я то, что есть всегда, но то, что имеет собственно начало. – он вновь почувствовал землю под синими ногами, вновь ощутил свободу шеи. Вновь тишина. Молча-

ние. Никого рядом. Только. Туман. Ничего боле. Только он. И тьма. Серая пелена.

Она распадется на до и после, как коснутся ноги мокро-го мрамора, как ноги почувствуют что-то, помимо родимой земли.

И сядет он на мрамора кусок. Сядет на скамью, пустив взор на небесной глади красоту. И услышит голос такой противный, такой знакомый. То был ворон, его имя... – Вроде Витольд. Не знаю, не помню.

И подлетел к нему уж давно знакомый ворон. Так живо подлетел, хоть и стал мертвее, чем при первой встрече. – Привет, Виктор. – изрек Витольд, присев на ветвь старого обветшало-го дуба, который бы прекрасно полыхал в каком-нибудь синем костре ожиданий, ведь выглядел он как человек, которого пустили в самый ад, в самую гниль мира. Он бы прекрасно полыхал, сгорая, превращаясь в жалкий пепел. Хотел бы я посмотреть на это, но уж слишком это ужасно. Неужто, вы бы хотели смотреть, как полыхает то, что некогда было таким живым и красивым? – Давно мы не виделись с тобой. Как ты? Смотрю, что ты даже не стал мертвее, чем при первой встрече, но я чувствую некую пустоту... Ты словно стал частью этого мира, в котором тебе нет места.

– О чем это ты, ворон?

– Ты стал слишком похож на меня, на других обитателей этого мира, хоть и остался живым снаружи.

– Чем же? Сам же говоришь, ничего не изменилось.

– Нет, понимаешь, дело в самом восприятии твоей энергии. Если раньше она была, как у живого, то ныне... она мертвее любого мертвеца... Очень близко к Ней.

– Ты знаком со Смертью?.. – спросил Виктор, смотря на Витольда.

Ворон мигом свершил взмах крыльями, его разбила дрожь, а тело... устремилось к ногам Виктора, после поднимаясь к ушам. Витольд ответил шепотом: – Не говори её имени... она не любит этого. – он отстранился. – Да, я знаком с Ней. Все мы тут знакомы, все боимся её, как ребенок боится тьмы, это перманентный страх, это ужас, что пробирает до костей...

– Где мне её найти? – задал Виктор неудобный вопрос.

– Её невозможно сыскать ни в одном из миров, она отдельна от нас. Это её обитель, но здесь Её не сыскать. Она сама придет к тебе, когда будешь готов к этому.

Виктор умолк, устремив взгляд в мраморный пол.

– Этот лабиринт... Тебе ведь сюда? – уточнил Витольд. – Но зачем ворошить память о живом?

– Я не знаю, зачем я здесь. Туман привел. Я просто иду туда, куда ведут ноги, слушаю сердце.

– Это место... оно может уничтожить тебя. Вызвать неистовую жажду вернуться в мир живых... Ты можешь сойти со своего пути.

– Кого я там могу увидеть? Мать? – Виктор жестоко рассмеялся. – А может друзей? Кого мне там видеть? – этот су-

масшедший смех... сводил с ума даже Витольда, у которого явно были проблемы с головой, но вдруг просыпался здравый смысл внутри его черепной коробки.

– Виктор, твоя мать... Кем она была в реальной жизни? – неожиданно спросил Витольд у сидящего на подмостках лабиринта.

– Мать? – Виктор рассмеялся ещё сильнее... этот смех... был бесчеловечен. Смех самого дьявола... – Не помню! – грубо ответил он. – У меня не было матери! – он вновь засмеялся, словно резаный, словно психопат...

Витольд, чувствуя страх, безумный и сумасшедший страх, продолжил, задав ещё один вопрос. – А друзья? Хоть один дорогой человек, кроме неё?..

– А кто такой друг? Я не знаю. Мне неважно. Я всегда был один, Витольд. Всегда. Я не помню, кто я, я не помню откуда. Лишь это ожерелье... лишь эти глаза, словно море, словно небеса... Я не знаю, кто это. Но я безумно люблю её. Я иду, ради неё, ради того, чтобы разглядеть её глаза. – после слов этих он поднялся со скамьи, направился к входу в лабиринт. – Значит мне нужно войти сюда, да? – спросил он будто сам себя, делая шаг вперед.

– Да... может там ты вспомнишь хоть что-нибудь, Витя... Я надеюсь, что мы с тобой увидимся ещё, что ты не сойдешь с пути.

– Посмотрим. Может я увижу что-нибудь, ради чего захочу жить... – и он прошел вглубь мертвых стен из листвы.

Было холодно. Пол под ногами был покрыт водой. Неве­ро­ятно холодной водой. Сложно было сделать шаг вперед. Было бы сложно любому, кто не привык к этому холоду, чьи ноги ещё красны и теплы. А если они уже словно иней, то и холода не чувствуется.

– Эти стены... они будто нереальны. – он присмотрелся к стенам, попытался коснуться, но не смог даже дотронуться до них. – Они... перевернуты. – сказал он, осмотревшись во­круг себя. – Это не стены... это другие... плоскости, другие пространства. – он посмотрел на пол, потом наверх, ощущая, что теперь стоит на потолке. – Это... не простой лабиринт. – он повел невольно голову свою в сторону, разглядев в одном из проходов какого-то человека, что сразу же скрылся с его глаз за углом. И Виктор попытался пойти за ним, шел, и уви­дел его за углом. – Стойте... – сказал он какому-то мужчи­не, но тот, идя по стене ничего не сказал. Виктор побежал за ним, пытаясь коснуться, но... лишь прошел насквозь. – Что происходит... – вдруг он оглядел всё вокруг, пытаясь отве­тить хоть на один свой вопрос... тут были десятки людей, все ходили в разных плоскостях, по разным этажам и углам... – Это хаос. Это... тьма. Настоящий мрак. Они даже не видят меня. Но почему тогда я вижу их? – задал сам себе вопрос он, а чуть дале бросил взгляд себе под ноги. – Зеркало? Оно явно тут не случайно... – вдруг он разглядел в отражении себя. А позже ринулся к нему.

Наконец-то он оказался подле него. Он грустно взглянул

в отражения, пробуждая свою память о мире живых. – Это... тот мир?

Он положил руку на стекло... Он положил руку на своё грустное отражение в зеркале. Мертвый лабиринт в момент покрылся зеленью красок, всё цвести начало. Слеза потекла по его лицу, по его щеке. – Жизнь... – сказал он, смотря на своё молодое и счастливое лицо, он смотрел на руку свою, что соприкасается отражениями, он соприкасался сам с собой. Пели птицы вокруг того, что стоит в отражении, а за спиной реального... лишь их костные останки... – Я так хочу... Хотя на секунду... ощутить эту любовь, этот мир... – говорил Виктор, сдерживая свои эмоции. Внутри него всё разрывалось, а в глазах была лишь скорбь по утерянной жизни. Он не помнил, вернее не мог понять, что все дорогие для него... мертвы, что незачем уж жить, ведь нет рядом людей, а простое... бесцельное существование – куда хуже смерти, ведь некуда идти, некого обнять... некого поцеловать, прижав к груди. И очень хочется! Безумно хочется обнять всех, кто рядом был, кто сердцем был любим, а сейчас... сейчас нет ничего, а зеркало... лишь отражает то, что уж потеряно, отражает молодой, светлый, хоть немного грустный, но счастливый лик... Который знает, что любит, что он любим в ответ, но не мог подумать, что однажды... всё потухнет, как свеча, не знал, что всё уйдет, как мгла на небом голубым, что всё канет к концу, что разрушится мир счастья, оставив от себя лишь черный, такой черный и ужасный пепел... И

как же хочется разбить воспоминания, что уж почти погасли, но ожили, только так, что будто этого никогда не было, что был это лишь глубокий и несчастный сон, что не было ничего, что это лишь иллюзия... И не вертится, и хочется стекло разбить раз и навсегда. И почти ударил по стеклу, но увидел в отражении своем слезный грустный, такой печальный измученный взгляд, что просит, буквально умоляет не делать этого, оставить хотя бы память, чтоб не было так больно вспоминать о том, что уже не существует, что уже кануло в небытие, что больше... никогда не случится, ведь выбрал осознанно он смерть, но выбрал лишь для того, чтобы увидеть вновь её... Её взор небесный, такой голубой, такой красивый, в объятиях лишь на секунду лишь раствориться, но понять, что может последняя секунда в жизни его, когда он может быть по-настоящему любим. Любим! Любим взаимно и так тепло, что секунда бы превратилась в вечность, что так быстро пролетит пред очами, оставив лишь жалкий кусок... секундного объятия... Но как же хочется этого объятия, и как же хочется отдаться ей навсегда, отдаться любви хотя бы лишь на секунду... И тот, что в отражении спал на пол также, как и тот, что на коленях возмолил небеса о том, чтобы на секунду лишь увидеть её живые глаза...

– Я умоляю... Я никогда больше не хочу! Честно! Мне больше ничего не нужно, только дай! Дай мне увидеть её хотя бы раз! Хотя бы почувствовать так, как хочу, как чувствовал тогда! О, Боже, Смерть, молю тебя, покажи её глаза! –

кричал он в небеса, и вдруг почувствовал её руку на своих худых скулах.

И она сказала, она встала пред ним, словно живая, словно реальная: – Я очень люблю тебя... – и обняла его. Так крепко, что согрелось всё, что желание найти её... лишь запылало с новой силою. Что желание никогда не отпускать её, загорелось, словно пламя синее внутри. Разрушила тем самым отчаяние. И он восстал с колен. Он взглянул свежими глазами вдаль, увидев цветущий цветами выход. Наконец–то, сквозь эти страдания, его очи отыскали выход. Наверняка, он остался бы здесь навечно, но... явно ему помогла Она, та девочка из ожерелья, та, что охраняет его душу. Он восстал и следовать стал свету.

VI. В погоне за светлячком.

– Вот есть слово, да, Виктор. Но смысл в нем какой? Смысл в нем, ежели пусто, как сердце, как пуста тьма? – молвил ветер, в красотах и обитель мира завывая, связывая горло ледью, плетью, что так душило, хребет ломало, что миром стало, колыхая воду в темном непроглядном кофе, что так крепко, так черно, что в нем смерть разовьется, что ползут из стакана ночью чернью скелет, что свяжет горло, как свяжет тьма его душу, что без оболочки точно симулякр, точно пустота, вселенная в абсолюте. И это тьма, что в кофе непроглядном, проникает внутрь, убивает, порождая дитя изнутри. Дитя, что мертво, что кончено, как кончен мир живых

во тьме, ведь жизнь – отрезок, он конец имеет, а тьма бесконечна, в ней рождает слово, в ней рождается вечность, в ней жизнь теряем, обретая бесконечность. Всё в кофе происходит, что ветер колышет, что связью, нитью вяжет наши лики, зашивая рот.

– Слово... оно велико! Слово есть мир этот! Мир тот, что создается не руками, создается душою, что строчит бессвязные сей строки, что стреляет в сердце ужасом сравнений, что бросает в душу камень, что скоро пролетает, унося за собою кусок невидимой души. Молвить, что пусто что-то – удел пустых, а ты, ветер, как уверен я, вовсе не пустой, ты лишь убедиться во мне хотел, ты словно ждал, что я отвечу: “Нет”, а ныне ты приятно удивлен. – молвил Виктор, лежа на земле, изучая небосвод. – Красивое сейчас небо... Гладь такая... умом не вообразить, и хочется здесь лежать с одной, что ждет меня. Я точно знаю! Ждет! Скажи мне, ветер, в силах ли твоих обратиться к ней, спросить её, ждет ли меня? Может ли жить без меня?

И ответа не было, лишь тихий шепот листвы, что говорил: – Не в силах я жить без тебя, Гордей...

И подлетит к нему светлячок лесной, молву свою неслышную начнет: – Следи за мной, иди за мною, я приведу тебя...

И восстанет он из объятий трав, что так стала жива, что стала так прекрасна, хоть и был он в мире мертвецов, всё цвело здесь бесконечной, вокруг него, красотой, ведь душа его было чиста, была как самое лучшее удобрение для этих

трав...

И шел он, не думая, не чувствуя земли под ногами, не чувствовал он и холода, лишь это безукоризненное желание следовать за светом, что ведет его по тьме, что пылает вокруг него, по тьме, что освещается звездами, что освещается этим светлячком. И этот свет стал спутником его ныне, изредка прятаясь в душу, согревая её. Этот светлячок исчезал, когда открывалось ожерелье, но был виден свет в голубых очах девы, был он там, этот свет, согревающий душу.

Шепотом скользили слова по его рукам, приближаясь к ушам, проникая в голову. И они твердили, что нет уж там ничего, что не ждет его, что мертва она, она в раю, где нет ему места. И ветер путника обвивал, изгоняя голоса, пока на небесах светили звезды эскадрой. И чему тут нынче верить? Шепоту, что идет из убитой старостью травы? А может на веру и стоит брать заботу ветра, а может взор небес, что, ангелом спускаясь, обвивают шею цепями незримыми, нащупывают нить, что тонким граалем пробивает сердце, оставляя внутри пылающую кровь. Где сила, где жажда и любовь кипят, создавая рвение, а от него горение пламени великого, что до небес вздымается, руки черных ангелов обжигает, но, а затем касается вечности, что едино только в абсолюте, а абсолют – не мир мертвецов, не мир любви, даже не жизнь, это другое, это, ни рай, ни ад, это что–то смежное, что–то такое, где поглощается наше тело в омут тьмы, это тень от жизни,

смерти и луча, что в отличие от жизни, вечен, но от смерти он тоже отличен – он имеет начало, смерть вечна, словно прямая в бесконечной плоскости альфа, где нет бета и других, иных плоскостей... Но шепот продолжает песнь свою гнилую изливать, шепот, что берется из тлена всех мертвяков и крови под ногами, во тьму заводит тело, оставляя вокруг лишь густую, непроглядную тьму, но в ней... В ней! Виден лишь он! Светлячок, что освещается эту тьму, безмолвную, тихую, словно в толще болота ночью, вот что за тина окружает тело, а голос мертвяков, что своей кожей, слезающей с тела, касаются его... живой! Ещё живой кожи! Она дышит, но дышит этим проклятым воздухам, наполненным запахом гнилого, кислого и протухшего мяса, человеческого трупного мяса.

– Ты же понимаешь, что она уже не ждет тебя? Ты же понимаешь, что она уж встретила там кого–нибудь? Ей незачем было ждать тебя, ведь она даже не знала, пойдешь ли ты искать её. Она уже забыла про тебя. Ты не нужен ей. Она не думает о тебе. Ты даже не знаешь, где она, но идешь, как сумасшедший, как идиот, как пес, оставленный и брошенный хозяевами, который все–равно идет за ними. Ты жалок! Ты ничтожество! Не смог отпустить! Её не существует, Виктор! Твоя избранница! Её нет нигде! Это всё иллюзия! **ОСТАНОВИСЬ! ВЕРНИСЬ К ЖИЗНИ!** Не отпускай всего, что у тебя было! Ты можешь жить, но ты до сих пор здесь, хоть и не мертвец! Почему? **ПОЧЕМУ ТЫ ОТПУСКАЕШЬ**

СВОЮ ЖИЗНИ РАДИ НЕЁ! ПОСМОТРИ, ВЕДЬ ПОВСЮДУ ТАК МНОГО МЛАДЫХ КРАСИВЫХ ТЕЛ! ОЧНИСЬ, ИДИОТ! – твердили голоса хором. Их было так в голове много, они твердили и вторили, пока переставлял путник ногу, затем вторую, но он шел, ему плевать на голоса было, ему плевать было, не слышал он их, он шел слепо следуя светлячку, что такой прелестью сияет в этой ледяной и мертвой тьме, что так противно скапливается вокруг головы, погружает её в омут мертвых устоев и правил, лишая жизни и права говорить, права думать, ведь думы все здесь сводятся к кончине, все думы здесь сводятся к печали, а не хотел этого, он жаждал лишь счастья, он жаждал лишь любви, что разыгрывается в его глазах, как фортепиано, как оркестр на концерте, что будет так созвучно сопряжен с другими, как счастье сопряжено с её глазами, волосами и той прекрасной улыбкой, что видит он лишь когда взирает на ожерелье, что прекрасно, как мгла, проводит ему понятие любви и чести, и он следует им, наплевав на голоса дьявольских отродий в голове. И молвил хор ему напоследок грубые слова: – Ты мог прожить счастливо ту жизнь, но ты избрал смерть. Ты идиот, но в этом видно красоту.

– Красота видна лишь там, где нет уродства. Я выбрал смерть, ведь она получше пройденной непрожитой жизни, что сполна окатила бы меня, лишь остался бы тогда. – молвил Виктор, выходя из пелены. – Всё в мире этом – тьма, но вижу я и красоту, пылающею в сих небесных красотах ми-

роздания. Хоть смерть сей миром благоволит, она прекрасна в пепле и огне. Поэтому я здесь, а ты, что сердце искусить решил, пожалуйста, уйди. Ты не мешаешь, нет, просто время попусту ныне тратишь. Тут ведь много неопределенных господинов, так ты им прелести людской, но настолько мертвой и гнилой, жизни просвещай. Меня оставь, утомишься быстро. – и голос мигом испарился, оставив путника тропой идти куда–то, куда, – то в горизонт, где пылает ныне свет от светлячка, что стал сей черным солнцем, что, вздымаясь над планетой, освещает всех своею тьмой, лишая силы мысли думать.

И светлячок ему на небо показал, что гладью морской, теперь такой красивой, озарила небеса необъятной силой. Виднелись ангелы, сидящие в небесах, они черны все, они смеялись. А путник шел, смеясь им всем ответ: – Вы думали я сгинул, но я здесь. Иду за той, что всех вас посильнее будет, что любовь в себе таит, что силою меня питает и боготворит. Я подобен Богу, а вы, архангелы из ада, что так смешно витаете под небесами, мне вовсе не совращаете, лишь только смеюсь над вами я, когда от мечт я отрываюсь. Вы противны мне, как ни противна кость иных, ведь вы велики, но так низко вы пали ныне, что улыбки моей, кроме как презрительной, вам не видать. Взирайте лишь на меня, когда любуюсь ожерельем, пока я счастьем душу напитаю. Тогда увидите, что значит счастья улыбка, ведь вам боли не познать, а значит счастья не увидеть.

Прошли недели одиночества в полях бескрайних, без души, что изредка поливает дождь кровью девственниц ещё не тронутых, но мертвых... О, Боже, как же это страшно... И, кажется, что хуже мира сей быть и не может, но не стоит забывать, что всё меж собою связь незримую имеет. И в том, что, казалось, её нет, чрез миг наполнится великим смыслом, что нам, жертвам мира людского, скорее всего, просто не понять, но мы ведь так активно истину во всём искать желаем... быть может, и когда-нибудь дойдет до наших светлых, но темных, голов.

И рассудок начал Виктор мимолетом отпускать, не заметив для себя, но чувствовал он это, хоть до конца не понимал. Но, по чести, сердце было чистым. Хоть немного грязным, но лучистым, словно звезда на засеянном млечном поле.

Был вечер, о нем сейчас поговорим, увидел странника живого... Ну вернее, что был живее мертвеца, но оставался им навеки ныне. И он шел, оставшись человеком. Юнец совсем ещё. И Виктор, очам не веря, подходил, болтал о всяком. Тому юнцу всё было дико, всё было страшно, Виктор чувств его никогда не разделял, ведь жизнь ему казалась в разы страшней.

– Как ты попал сюда? – спросил Виктор юнца, – И как зовут тебя?

Юноша провел взглядом броско, немного презрительно,

но со своей искрой, что пылало в нем, ибо чувствовал он живость в душе того, кто говорит. Он ему ответил, ответил коротко, но так, что хотелось говорить и дале: – Звать меня Николаем.

Виктор прошел к нему, к улыбающемуся юнцу, посмотрел в его голубые глаза и улыбнулся, – Красиво имя, да только напоминает мне другое. Но суть не в этом, как ты оказался здесь? Неужто умер?

– Я не умирал телесно, я погиб душой.

– Но что–ж приключилось с тобой, Николай? Кем был ты в мире живых? – спросил Виктор, отходя несколько назад.

Никола, сверкнув своими голубыми очами, поправил волнистые светло-русые волосы, немного усмехнулся: – Творцом я был некогда. А здесь лишь потому, что полюбил не ту. И стал я хладен, как черный монолит. Я утерять прелести любви, ведь жив лишь тот, кто в сердце своём скрывает от чужих любовь. Я был творцом, творцом остался, убив любовь, но попал сюда, оставшись в живых и наверху.

– Неужто ты утерять любовь? Как ты посметь мог? В ней же таится сама жизнь, но жизнь такая, что созидает целый мир, новый, другой мир.

– Я не Бог, не знал всё наперед. Я полюбил её, да, безумно полюбил. Но я был глуп порою, порой она была по живому. Так и расстались, но искра продолжила мелькать в душе. Пытались всё восстановить, да в пепел обратилось: мои попытки брошены в лету были, а её, что позже были, я не при-

нял, не захотел счастливым быть. Не хотел ответственности на плечах нести, груз духовный я лечить тоже не желал. А позже... я наконец убил в себе любовь. Я понял, что мой мир – это мой мир, в нем нет места другим. Я перестал видеть в ликах других своих друзей, я перестал улыбаться честно ликам другим. Душу сковал осознанности холод, ведь я отказ принял от чувств. Мне без надобности стали они, ведь я хотел лишь творить. Но по чужому чертежу. И каким-то чудом, я оказался здесь, в переплете. Что ж, скажу честно, это место вдохновляет. Тут нет ничего лишнего, тут нет обилия людей, нет красоты бесконечной, что была среди живых. Тут правит ветер, что омывает волнами пустынные, кровью залитые поля. – молвил он, внимая запах сажи и горечи мирской, – Я б лучше выбрал жизнь среди этих мертвецов, ведь более похожи на людей, но это уж не жизнь. Телом я ещё живой, душа здесь... в краю великом, наполненной пустынной, но такой честной и правдивой красотой, что так легко понять умом, разглядеть глазами и не надо чувствовать пытаться, ведь это только душу отравит.

– Неужто мир живых стал для тебя миром мертвецов, Николь? – вдруг спросил его Виктор.

– Пожалуй, что это так. – он мило улыбнулся, пока где-то вдалеке слышался вой собак. Говорили вороны, что этот крик доносится часто из преисподнии, но на деле это был лишь очередной скотобойный завод, где производили вкуснейшее мясо. Порою там обедал сам Люцифер, отмечая

изысканность и неподдельный вкус жесткой и вкусной колбасы, а как же он радовался каждому попавшемуся хрящу, что впивался меж его зубов. Хрящи те были черны, что удивляло ещё больше. А какой восторг был от вкуса... это не описать словами, как и то, что это происходило в такой близости... но никто особо не ценил этой своеобразной красоты.

– Да уж. Красота жизни быстро начинает утомлять. А вот красота смерти... Тоже, если честно. Усталость чувствую я от этого вкусного запаха гнили, человеческих тел, что постоянно тут превращаются в хороший вид минерального удобрения. К слову, из, наверное, получилось бы интересное топливо, которым заправляли машины, самолеты. Или продавали куда-нибудь. Это всё, конечно, безумно интересно, прекрасно, но... здесь теряется прелесть самого сокровенного – конечности бесконечности. Тут нет, как такового, страха смерти, потому что ты уже привыкаешь к ней, ибо вокруг тебя всегда мертвецы, а когда они становятся прекрасным удобрением для пышных роз, которые продают цветущие бабки на базаре, по которым прекрасно видно, что за ними чудесно ухаживали, любили, которые оторвать от сердца, то становится тепло самому сердцу, ведь они словно освобождаются от смерти, как таковой, но и от жизни тогда... Странно это, очень странно.

– Ты безумен? – спросил Николь, оглядев страшными глазами Виктора с ног до головы, – Неужто ты потерял здесь рассудок?..

Виктор осмотрелся, пригляделся и задумался, как думали великие философы античности, размышляя над мирозданием великим, посвящали этому всю жизнь, и эта искра, что исходит из глаз, что выходила и из глаз Ницше, Достоевского, промелькнула мглюю, словно молния на плачущем небосводе, из которого вырвется она, попав в зеленую иву, что загорится, превратится в пепел, оставив мир и людей вокруг без своей великой красоты, но знаете, ежели молния будет подобна Богу, милосердна, то пожар слез небесных потушит пожар горящей ивы, оставив на ней небольшой лишь шрам от утраченного некогда смысла бытия, а именно дара всему своей неподдельной величины и безумной красоты, также промелькнула молния во взгляде Виктора, который на деле Виктором и не являлся, он был единицей такой, что постоянно маски примерял, не желая демонстрировать своей подлинной красоты окружающим, но и сам порою терялся, но он потерялся, как еж в тумане, гораздо сильнее в ней, уже не в силах вспомнить своего имени, как и имени своей возлюбленной. На деле то он помнил, только вот мысли утекали, словно бурная река из его головы, оставляя в ней выжженное поле, на котором бы с радостью отведал мертвечины Витольд. – О нет, друг мой. Я в полной осознанности. И не безумен я, дорогой Николь. Безумен ты, ежели не ценил того, что даровано было тебе всё это время, пока не попал ты сюда. Есть мир, в котором, ежели жив, рано или поздно ты умрешь, оставшись пеплом на краю мира бездыханного, что

дышать то рад, но он уже не может, его легкие пробила коса, их пробил жестокий мир безумств, что играют вокруг, как играть будут мертвецы на твоём гробу. И ты выбрал мир, где нет начал, нет и концов, тут только черни исповедь, глоток чертога смерти, но это не он, это не смерть, это лишь отражение жизни, иллюзия, а смерть поистине страшна, ведь полностью пуста.

Безмолвный ответ очами демонстрировал Никола. Он был оскорблён подобным выкидом Виктора. Но не стал уж слишком долго обиду таить, ведь дунул ветер переменчивый, завыл он волком в скелетах, обглоданных давно, завыл он, кости насквозь проходя. Ветер тот словно витражом, что ребенок разрисовывает окна, разрисовал и лики серьезных мужей, заставив одного слово проронить: – Прости... Этот мир сделал меня озлобленным. Не хочешь пойти со мной? – спросил Виктор руку протянув.

Николь улыбку свою дьявольскую расчертил, промолвив: – Ежели вкушать я буду запах гнили твой.

– Прости, друг мой, но я пахну свежими цветами. Гнилью пахнет под ногами, оглянись. – Виктор опустил глаза, указав на труп под ногами Николя.

– Вот черт... А я ведь даже и не чувствовал...

– Но раздробил мертвецу череп! – усмехнулся Виктор. А ведь это так мило... когда вчера ещё человек, не замечает, что кому-то на голову ступил, разрушив кости черепа. Это очень мило, но не менее страшно. Словно убийца он стал

мигом, словно маньяк, что кости своих жертв—детей промывает так заботливо, окуная в воду кристальную, приговаривая: “Простите меня, мои ангелы...”. Как жаль, что всё, что мило, есть страшно по—своему, а всё, что прекрасно — пахнет гнилью. Исключение — любовь.

И они отправились в путь. В путь за белым и лучезарным светлячком, что прелестью своей освещал им темный путь, маскируя шепотом красоты хруст костей под ногами. И шли они, боясь ступить на живого мертвеца, но не замечали, как превращают их всех в чернозем.

И наступила ночь... Прошли лишь сутки с пор их встречи. А Николь уж обратился в часть мира этого, ведь поглощен был чернью, что руками, как руки гаишника, тянулись к его душе, но те тянутся к кожаному кошелью.

— Вставай... — толкал бездыханное тело Виктор палкой. — Вставай, ты весь в этой грязи... Вставай. — молвил он, продолжая тыкать палкой. — Хватит придуриваться. Поспал и хватит! Вставай... Я ведь знаю, что ты жив. — рядом витали стервятники. Виктор наконец—то бросил палку, спустившись над телом. Завыл холодный ветер в брошенной стеклянной бутылке, залитой кровью, неподалёку. Он начал раскачивать холодное тело. — Вставай уже наконец! Слышишь?! Я знаю, что ты живой! Очнись! — корпел над телом он, толкая из раза в раз ледяное мёртвое тело юноши, ещё совсем ребёнка, на вид лет двадцати.

И прошел так час. Ночь уже сгустилась над миром, погрузив его во мрак. Было тихо, слышен был лишь ор ворон, что витали над головой, словно ангелы в мирских массивах мироздания, явно поджидавшие удобного момента, дабы наладиться этим мясом, а вот ангелы жаждали лишь души, что скрыло мертвое тело.

Виктор уже сложил голову над мертвецом, над ещё совсем юным мертвецом, а позже взмыл в небеса, очередной раз прокричав: – Вставай! – и небосвод своей гладью омыл его лик волной, как умывается младенец ледяной водой; что как рай души для пьяницы и алкаша, что после бурной ночи жаждет лишь протрезветь, а дале... по новой в омут, что в здешних краях кличут как веселый и очень познавательный вечер в компании интереснейших людей различного рода смерти. По разным причинам они попадают в этот мир, но каждый, считая свою смерть особенной, кличет себя величайшим творцом своего конца. И вот ведь интересно... разве могут они об этом помышлять? Неужто каждый из них застрелился, будучи пред картиной великой, ну или просто... просто так? Ведь они себя творцами считают. Причем каждый... Вот ведь лицемеры!

– Не кричи, он уже не встанет. – послышался позади тихий мужской голос. – Виктор, юноша мертв.

Виктор резко оглянулся, заметив высокий силуэт, словно по ночи он пошел в лес очередной и перепутал тень от куста с человеком, который сливался с тьмой, лишь по его

бордовой мантии можно было разглядеть его. – Нет! Он жив! Иначе он бы уже превратился в кости! Как превращаются здесь каждые!

– Этот мир обличает не лишь тела в кости, он выпускает души на свободу. Они тлеют здесь, начиная потихоньку увядать. – силуэт подошёл к Виктору, присел рядом, сверкнув своими изумрудными очами, как у змеи. – Красиво это, не находишь?.. Закат пустой и бессмысленной жизни человека, что отпустил единственное, что хоть как-то наполняло его жизнь. Он такой чудак, но такой интересный... А какая него богатая душа! словно боярышник, из которого выйдет идеальный спирт, с которым можно весело и очень культурно провести не один вечер, а целых два! – Чуть погодя он снял и капюшон, освятив свои белые, как самый чистый снег... о нет, как пепел. Это были пепельные волосы, как снег, что валит здесь. Ну если брать сравнение, то как сигаретный пепел, который постоянно падает на одежду, а иногда и прожигает её, вот так вот... И этот пепел прожигал одежду, уж слишком был горяч. Такие волнистые пышные волосы, которые, кажется, были только что помыты жиром, что срезает он медленно с тел умирающих, словно помогает утопающим... А ведь они так чудесно и мягко развивались в унисон ветру. Он поднес свою белоснежную руку, как рука мертвеца в гробу, в Хароне, которую все так активно глядят, пред тем, как накрыть гроб крышкой, покрытую кольцами посреди груди юноши. Показалось свечение... чёрное свечение, как самый

чёрный мрак, как все мы видим тьму ночную в комнате своей, когда перебежками бежим до кухни к матери, скрываясь от злых теней, что так пристально следят за нами из мрака. – Он мёртв, Виктор. Его душа... Она сгнила. Этот мир... Этот жестокий мир, что так мною любим, заставляет наши души тлеть. Он не даёт нам возможности жить. Даже если мы остаёмся добры, оставляем свою плоть, то душа... Она увядает. И КАКАЯ ЖЕ В ЭТОМ КРАСОТА! – сказал он, возвысив голову к небесам, – Твоя уже почти мертва было до того, как ты упал на это тело. И ждал, пока она умрет. Я так хотел испить соков твоей души пред сном, ты не представляешь! Это такой вкус... А ещё любовь, которая хранится в твоей душе! Это невозможно! ЭТО МОЯ МЕЧТА! – он коснулся руки Виктора, – Теперь же она изливается бриллиантами, как роса, как свежесвыпавшая роса мирского блаженства. – с каким же трепетом он говорил... словно ювелир разглядывает бриллиант самой высшей пробы.

Виктор проронил слезу на лицо юнца, затем вторую, а потом третью... Он ревел, как дитя, что просит любви, он ревел, как ангел, сброшенный с небес, как дитя утренней зари, павший на жестокую и гнилую изнутри землю.

Вдруг красавец, вставший на секунду, коснулся его головы, а позже, опустив руку на плечо, вынул ожерелье. Раскрыл и увидел голубые глаза, из которых одиноко вытекает слеза, увидел, что словно живые, водили по нему ненавистным взором. – Так вот из-за какой красавицы я не смогу ощутить

этот блаженный нектар... Я бы и сам хотел овладеть ей. – вдруг Виктор выхватил ожерелье, ринувшись от красавца.

– Не трожь её! – с яростью в голосе изрёк Виктор, кровавым лицом взирая прямо в изумрудные очи стоящего напротив.

«Эта... сила вокруг него. Она не его, это не его энергия души!» – пред беловласым юношей возвелись стены кроваво-красной энергии, за которую он не мог двинуться. – Она...

– Уйди вон! – прокричал Виктор, обнажая залитый кровью клинок. Из открытого ожерелья на юношу напротив смотрели с ненавистью глубокие глаза.

– Виктор... – изрек он, сбрасывая мантию, демонстрируя белую расстёгнутую рубаху.

Виктор заметил огромные шрамы на груди, что сияли белым свечением. – Её душа не в этом мире! Она жива! Она ждёт тебя, но здесь тебе её не сыскать! Она ждёт тебя за третьем пределом.

– У нас другая цель, Денница. – изрек женский голос, словно голос сирены для Гомера, оказавшийся позади Виктора. – Отец сказал, что он должен оказаться Дома.

Виктор оглянулся, взмахнув клинком, проведя пред лицом... знакомым лицом девушки, что излечила его руку. Это было Габриэлла... Виктор окатил её белоснежный и прекрасный лик кровью, что мигом превратилась в пар, лишь коснулась кожи. – Ты...

– Габриэлла, ты не понимаешь! Она жива! Она ждёт его! – закричал Денница, срывая с себя рубаху. Показались белоснежные крылья, из которых исходил небесный цвет. – Я хочу, чтобы душа его напиталась ещё большими человеческими соками, что даже не свойственны человеку!

– Он уже не человек. Он мертв в мире живых, а среди мертвецов он единственный живой. – тихим и спокойным голосом изрекла дева. Она поправила свои волосы, брав шикарные пряди за уши.

Воздух пошатнулся. Денница взмыл над землёй и промолвил: – Выбирай, Виктор: увидеть её или стать рабом?! – он протянул ему руку, из которой изливалась заря, озаряя своим сиянием глаза Виктора.

Габриэлла лишь улыбнулась, провела нежными пальцами по шеи Виктора и спросила: – Ну же, дорогой, ты же хочешь стать моим и только моим. Посмотри, как я красива, как чудна. Я же самая красивая и самая великая из тех, что ты видал. Ведь такую ты искал?! – он ринулся назад, оттолкнув сирену своей любовью и неприкосновенностью, а позже быстро провел клинок возле её лица, разрубая нить совращения, давая нити души натянуться, почувствовать её сильней. Почувствовать Лизу! Ошибся ха–ха–ха, я хотел сказать Еву.

– ТЫ НИКТО ПО СРАВНЕНИЮ С НЕЙ! – прокричал Виктор, протянув руку Денница.

Ангел озарил очи Виктора небесным сиянием, схватив крепко его руку. – Я помогу тебе, человек, даже если буду

согнан с небес. Твоя любовь... она велика. Она сильнее всего, что суще на белом свете, она сильнее самой смерти.

– Нет никого сильнее отца! – закричала Габриэлла. В её глазах был виден неподдельный гнев, который не могла она скрыть. – Ты будешь, как и твой отец, гнить в подмостках ада, сукин сын!

– Не пристало архангелу так выражаться, подобие Велико-го. Ты никогда не станешь заменой Гавриила, запомни это. – сказал Денница, скрывая крыльями тело Виктора. – Ты не посмеешь разрушить его душу, она слишком светла для рая, который принадлежит тем, кто заплатил больше за свечи под твоим именем. Я предпочту выбрать чужую любовь, а не любовь Отца, если уж на то пошло.

– Ты второй сын зари! Ты такой же убудок, как и твой оригинал! Ты считаешь, что наравне с Отцом?! Ты никогда не станешь ему даже полноценным сыном, он взял тебя из жалости, ибо не хотел, чтобы ты гнил рядом с оригиналом! Твои родители – изгои, причем не просто так! Это худшие из созданных! А в тебе течет их грязная кровь!

– Не смей говорить ничего про моего родителя. – спокойно изрек он, погладив голову Виктора, прошептав на ухо: – Я помогу тебе встретиться с владелицей этого мира, она выведет тебя отсюда. Ты встретишься с ней. Даю клятву. – он поцеловал Виктора в лоб, скрывшись в свинцовых небесах, что мимолетом обратились в белые перистые облака.

Виктор летел, ощущая тепло от ожерелья и от тела Ден-

ница. – Почему ты помогаешь мне?

– Не спрашивай ничего. Я не знаю ответа. Это глупо, но я считаю это правильным. Я не должен жить под дудку Отца, поэтому я помогаю тебе. Я хочу, чтобы ты был счастлив, ведь ради этого мы и созданы. Созданы для того, чтобы дарить мир людям, дарить им счастье.

– Ты ещё совсем ребенок, Денница... Зря ты променял свою жизнь на мне.

– Я сам решил, не смей меня переубеждать, Витя.

И заснул юнец сладким сном в объятиях белокрылого ангела, словно ребенок засыпает у груди матери или на руках любящего отца. Они прекрасно с великой любовью бы заботились о нем, но это не родители, это ангел, и далеко не хранитель.

Снился сон Виктору, в котором видел лик её он так отчетливо и так прелестно. Он был велик, безмерно велик. Голубые глаза, как два бриллианта высшей пробы, что как кольцо помолвочное, что дарит любовник великий даме своей в надежде на то, что выйдет она за него, но дарит без великой любви, ведь дар столь дорогой никогда не даст любви великой, ведь то, что есть любовь скрыто в другом, оно скрыто в отражении глаз. И дело не в цене, не в вере, а в том, что таится в глубине таинственных любовных глаз. Ежели видна там пропасть из цветов, которой коснуться так опасно, но так легко, то значит лишь одно – любовь, а ежели там лишь стра-

сти пыл, горящий взор, желающий лишь тела, то тут пора бы побежать в огонь, но не за ним, а в свой собственный пожар голубой. И два великих ока, как небесвод, смотрели на Виктора, погружая в эту пучины из любви. Там было множество зеркал, но не было в них боли, там была лишь любовь, а секс в зеркальном лабиринте, как поцелуй новорожденного, как пение соловья по утру, но не в клетке, а на свободе, рядом с тобой, ведь выбрал он, что будет верен лишь тебе, а свобода для его – лишь только ныне с тобой. И видел голубой глаз в карих тот же текст. А белые волосы, что падают на лоб, а поцелуй, словно вода для изнемогающего, без неё не смог бы жить голодающий, как не смог бы без поцелуя, хотя бы такого, Виктор... И он целовал её, он целован был, и говорил бездумно, от души, от сердца своего, на неосознанной сей почве: – Люблю тебя я, Лиза. Безумием люблю. – но неужто имя перепутал?! Но как же Ева?.. А может не было никакой Евы?

Молвил голос её в ответ: – И я тебя, Гордей... – он не ответил, будто принял имя чужое. Но было ли оно чужим? Ведь он всё услышал. Всё отчетливо понял и принял для души, а в ответ лишь искренность улыбнулся, поцеловав ныне горячее...

Но кто же это, если он не Виктор, а она – не Ева?!

Спросонья взгляд был мудр, был велик, а ангел уж не нес, сидел рядом, мило улыбаясь: – Как спалось? – спросил Ден-

ница, – Ты был таким счастливым.

VII. Последний горизонт.

Спросонья взгляд был мудр, был велик, а ангел уж не нес, сидел рядом, мило улыбаясь: – Как спалось? – спросил Денница, – Ты был таким счастливым.

– Хорошо, – мило поднимаясь с ледяной земли, что становилась теплой благодаря костру, разведенному Денницей, что так ясно и прекрасно улыбался ему, протягивая зеленое яблоко.

– Съешь, они очень вкусные. – сказал Денница, укрытый бордовой мантией, – Знаешь, Виктор, я думал о тебе всю ночь, о том, что я чувствую от тебя. Твоя душа... Мы не имеем права её трогать. Никто! Кроме той девы в твоём амулете. Её же зовут Лиза? Просто во сне ты так сладко произносил это имя. – молвил ангел, скрывая белые волосы за капюшоном.

– Я не помню, что мне снилось..., помню лишь отрывки, да и те с трудом всплывают в памяти. – он надкусил наливное яблоко, кусив великолепные вкусы от соков, что истекали из мякоти, словно небесная капля, покрывающая лицо по туманном рассвету. Правда все прекрасно понимают, что от тумана такого только лишь название, а на деле это дымная завеса от недалеких пожаров, а это облако – лишь дым, прибитый к земле. Порою кажется, что высунется из этого облака рука, протянется к шее, схватит, подтащит и поцелует

страшно, что душа сразу из очей польётся и не от страха, а от безмятежной смерти, ведь был ощущен поцелуй её, поцелуй такой красивой дамы, что на вид ещё совсем девчонка с каштановыми волосами и зелеными глазами, как у змеи, ведь также страшен её поцелуй, как страшен яд. И не дай Бог, укусит тебя змея эта, сразу разум затуманит, а в голове останется лишь мысли о смерти, пока не встретишь ты новой жизни, что название другое имеет. Но суть не в этом, суть в том, что ничто не дает нам такого желания жить, как поцелуй тумана, как поцелуй самой смерти, что нежно обнимает тебя сквозь это непроглядное облако... А яблоко было вкусно, на вкус словно губы, рисованные бордо помадой, а может и вообще это была кровь, просто такая густая, но чужая... Кто уж знает, что придумал шабаш, витающий над головою, в этот раз, но дело ведь не в этом, дело в том, что ангелы так и дерутся в небе на ножах.

Ох, а было раньше время, яблоки эти были в избытке, но вкушать их было почему-то нельзя, ведь знаниями они полны, как полно нектара поле из цветов, как поле одуванчиков, что своими парашютами попадают в глазные яблока, а позже чесать мы начинаем. Главное заразу не занести, но вот Денница глаз чесал по другой причине: спать юнец хотел безумно, но чувствовал, что защитить Виктора должен от демона, что скрыт под маскою архангела. – Я обещал, что приведу тебя к ней, правильно ведь? – спросил Денница, взирая на яркий кровавый восход, – Сегодня прольется кровь...

– он встал. Встал так уверенно. – Сегодня схватка ждет меня. Ведь так, Отец?.. – говорил он, взирая в пену небесной глади свинцовой, – Какой же запах сегодня! – утвердил он восклицательно, внимая носом запах, – Люблю запах напалма по утру. – он опомнился, – Я провожу тебя. А дале меня ждет... Ведь прекрасно знаю, что ждет меня! – глаза его глубокие засияли алым взором, наполнившись кровью, а яблоко в руках сгнило. Из него полился этил, на который сбежались опарыши, гусеницу и какие-то ужасные черви. – А ведь из вас получатся дальше такие красивые бабочки... Если яблоко гнилое вас не отравит! – он засмеялся, взяв одну в руки. Он положил гусеницу на зубы, надкусив. А после повернулся к Виктору, – Будешь? – спросил он, – По вкусу, лет 14 всего.

Вопросительно оглядел Денницу Виктор. Вдруг он увидел глаза пьяные одной из гусениц, что словно кричала голосом девичьим:” Помоги...”

Но уж поздно было помогать... Она обратилась из дитя в мертвое тело, на которое набросились другие, начав жадно пожирать. – А это уж жучки постарше... – сказал Денница, раздавив всех ногой. – Так легко... – он улыбнулся, смотря на Виктора, что оглядел его ужасной миной. Вдруг Денница руку поднял, а неё присела бабочка, – Понимаешь, Вик, бабочкой им никогда нельзя было бы уже стать. Они все мертвы должны были быть давно. А я для них стал как освободитель.

– Думаешь, жизнь их была настолько ужасна и в тягость,

что им не стоило жить дальше?! – возомнил Виктор, поднявшись с ледяной земли, – Думаешь, что они недостойны жизни?

Денница улыбнулся, улыбкой светлой озарив лик Виктора, – Пустые разговоры, друг мой. Они ни к чему не приведут.

Вдруг Денница замолвил с Виктором, что был в его объятиях, – Потерянный рай... – молвил он, указывая на дом, где сидел одиноко мужчина. – А раньше такая там царила любовь, ныне не может и слова даме сердца изречь. Грустно очень. Ну да плевать.

Чувствовал Виктор, что скоро конец грянет меж очей, как молния пронзит его лоб. Окажется он в мире ином, где разойдется всё цветами. Где он найдет её. Ту, за которой идет. За которой шел с самого начала. И кажется, что так близко, но так далеко... Всё кажется туманом, но всё так легко теперь. И ноги уж сами бредут. – Я наконец-то увижу тебя... – говорил Виктор, неся в руках голову, держа за пепельные длинные волосы. Пустые изумрудные и такие красивые глаза, как камень теперь действительно. Из него бы вышло хорошее кольцо, отдать бы его только ювелиру. И носил бы кто-нибудь его без упрека и сожалений. Ведь карата, что пала с небес, что встала пред ним... уж неудержима была. Пред глазами Виктора виднелся последний горизонт.

Сын зари следил своими пустынными глазами за уходящим солнцем в горизонт. – Вот и всё... Путь пройден мой. Спасибо, что прошел его со мной. Теперь то ты найдешь покой, которые так и не сыскал при жизни, Сын Зари... – путник положил на камень, как на мягкую подушку, голову Денницы, что смотрел такими красивыми, но пустыми глазами за уходящим солнцем за горизонт.

Вот и мой черед встретится с Ней... Сколько уж времени прошло. Но теперь я здесь. Спасибо, что был со мной. – сказал Виктор, погладив мертвую голову ангела, улыбнулся мило, но так грустно. А дальше сделал шаг вперед вновь, – Вот и настал конец. Осталась только встретится со Смертью. – но он не мог уже идти.

Тихий шепот оживающей листвы, тихий хохот с облаков. И кажется, что всё кончено теперь. Но разум чист, как никогда. Провалы памяти, как бездны тьма, были неизбежны. И слышен ныне только легкий гул. Но как же тихо здесь. Тихий, слабый гул и мысли ни одной. Лето настало. Всё, теперь конец. Видна лишь мира грань.

И улыбка. Такая счастливая улыбка. Зелень, щекочущая ноги, холодные, кровавые ноги. Карие глаза, смотрящие вперёд. Льёт теплый летний дождь, поёт песню соловей про то, что не так уж всё и плохо. А ведь и правда. Что осталось тут пройти? Пара шагов и всё. Виден конец, а там видна она – девушка в разорванном плаще. Договор с ней был выполнен,

теперь должна следовать награда.

Виднелись на горизонте два целующихся облика один похожий другой.

Дама смотрела в тлен уходящего солнца. – Вот мы и встретились. – сказала дева, опуская капюшон.

– Здравствуй. – изрек Виктор, взирая на черный силуэт, а после на зеленые, как изумруды, очи. – Я хочу знать, когда я увижу её.

– Всё. Уже скоро.

– Здесь твой мир прекрасен. – сказал Виктор, пав на зеленую траву, – Ощущение, что это вовсе и не твой мир. – он наблюдал за медленно текущими по небосводу облаками, сравнивая их с морскими кораблями, чувствуя себе небом над ним. И как же счастлив был он, внимая каждый миллилитр кислорода разряженного, как в горах, – У меня к тебе вопрос остался, можно?

– Да, конечно. – ответила дева, севшая рядом с Виктором.

– Вот есть и жизнь, и смерть, но я не вижу разницы.

– Ты её и не увидишь. Жизнь для тебя была кошмаром, но только внутри твоей головы. А сейчас у тебя была цель. Поэтому даже кошмар для тебя перестал быть таковым. – она посмотрела назад, улыбнулась мило, – Присаживайся, сестра.

– Она права, Виктор. Ты ушел из моего мира, из мира жизни только для того, чтобы найти смысл. – молвила девушка

лицом такая же, как и дева, которой мир смерти принадлежит.

– Зачем ты здесь?

Виктор поник лицом, но ясно взирать начал, пройдя туман в глазах, – Моя любовь погибла. Я пришел вернуть её, но мне не нужна моя жизнь, не нужна смерть, просто верните мне её... – сказал Виктор, поднимаясь из плена травы.

– Любовь... мы созданы любовью. – ответила девушка, одетая в белое платье, а в голове её сиял цветок, – Она неподвластна нам.

Путник пошатнулся, – Неужто зря я шел?

Смерть взяла за руку его, – Тебе нужна не я, Виктор. Тебе нужно перейти последнюю грань. Ты должен пройти мир пепла. Ты должен коснуться того, что сильнее нас обоих, что породила нас – сестер родных.

Вдруг грань, на которой стоял Виктор, грань, что делила жизнь и смерть, сменилась бесконечной тьмой. – Взгляни сюда. – он почувствовал холодную руку на своем подбородке, а после почувствовал движение шеи, головы. И далек он увидел белые врата в облаках. – Ежели тебе нужен покой, то я верну тебя. – сказала дева в порванном плаще.

Юноша оказался у врат, прислонил ухо к ним, но там молчат. Тут так много ломаются в них. Все ломаются в рай, как бабки на базар.

Виктор хотел что-то сказать, но не успел, ибо голова его

вновь повернулась. – А это... – Виктор увидел два сцепленных объятиями ядовитых ликориса, подле которыхдохнут мухи, черви, блекнут другие, а всё от красоты, а не от яда, хоть они и вредны для всех, кроме друг друга, но бабочка порхает над ними, что выросла под их плодами, – Здесь сцепляется всё воедино, без этого не было бы ни жизни, ни смерти, ни рая, ни ада для тебя. Это называют любовь. – молвила Смерть. – Вот и настал твой выбор: рай, как жаждали тебе придать его архангелы те над головой, или станешь ликорисом, обняв деву любимую свою, воскресив мою родитель?

Он безмолвно секунду посмотрел на даму, – Ты думаешь, что есть смысл спрашивать?

– Неужто нету смысла в этом? – она улыбнулась, взяв его за шею, приложив лог к своему, взирала своими зелеными глазами, поправив быстро свои волнистые каштановые волосы, – Ты молодец. Я горда за тебя. Дай воздух тому чувству великому, что предано было пеплу, чувству, на которое с ненавистью смотрят недолюди. Воскреси то, что создало вокруг всё. – она смотрела в его карие глаза, прижавшись ко лбу.

Исчез путником мигом, а тьма распалась. И воцарился вокруг него целый мир. Его обвивал тихий, медленный ветерок. Над головой текли одинокие два облака. Мелкая трава, что, кажется, подстрижена кем–то. И звук лета. Слышен где–то прибой. Виднеются играющие птицы вдали. Играет спокойная мелодия в голове. Словно рай... в котором обесси-

ленное тело падает на теплую согретую землю. Ледяные ноги согревает приятное солнце, как согревает и всё его тело, запачканное кровью.

Ветер коснулся волос темно-русых Виктора, или не Виктора, как там его зовут?.. И думу они в голову ему несли: “Неужто раньше что-то было?” – думал он, смотря на облик, стоящий у обрыва. И он шел, делая последние шаги к ней, последние шаги до того, чтобы прикоснуться. Казалось, что на дворе стоит июль. Почти что середина. “У неё должно быть скоро день рождение...” – думал путник. “Неужто было до этого дня что-то?.. Была ли жизнь вообще? А может был это лишь сон? Глубокий и такой несчастный сон...”

Дева обернулась ему, улыбнулась, – Наконец-то... – сказала она, почувствовал его объятия.

Казалось, что это был уже не Виктор, никакой не Виктор... А кто-то другой, но кто? Кто, ежели не он? Дитя, что только родилось на этот свет, как и дева, что он обнимает, поливая её спину своими слезами.

Он обнял её хрупкую и нежную девичью спину, скрыв её, как крыльями ангел, прижав к груди так ласково и мило. А после нежно наклонился, поцеловав её лоб, – Если честно, мне не верится...

Она обняла его сильнее. Так, как никого. Её волосы колыхал спокойный теплый ветер, а на небосводе царила мирская гладь. Глаз её следил за медленно уходящими облаками,

за медленно уходящими свинцовыми тучами. Она чувствовала легкий холод по своей спине, чувствовала, как стекают медленно теплые слезы. Шепот мира и сердец свел их. Ныне вместе они. Она ждала его, он рядом. Он пришел к ней, она обняла его.